

Ю. Е. Зайцева

Я-НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД¹

В статье представлены теоретико-методологические предпосылки экзистенциально-нарративного подхода к проблеме конструирования идентичности: идеи социального конструирования знания о себе, представленность феноменологии «Я» в автобиографиях; рассмотрено экзистенциальное измерение личной идентичности и потенциал автобиографирования как дискурсивного феномена и как носителя определенной нарративной структуры повествования, оказывающей влияние на конструирование образа героя повествования и его рассказчика. Как наиболее существенный инструмент смыслового согласования образа нарративной идентичности рассматривается способ временного согласования событий автобиографии. Анализируются различные типы временной согласованности (Т.Хабермас, С.Блак) Я-нарративов посредством образных метафорических схем (М.Джонсон) репрезентации времени жизни. Обсуждаются возможности признания за «эмпирическим Я» современного человека контекстной множественности, динамических трансформаций и текучести, горизонтального развития в сторону опыта полноты проживания полярностей; а за «нарративным Я» рассказчика — потенциала осознания единства и цельности «экзистенциального Я» через снятие оценочной шкалы границ между множественными «Я» во времени и социальном пространстве посредством дискурса достоинства человека. Библиогр. 50 назв. Табл. 1. Ил. 4.

Ключевые слова: идентичность, автобиография, Я-нарратив, нарративная согласованность, образная схема, время, «экзистенциальное Я», «множественное Я».

Yu. E. Zaytseva

SELF-NARRATIVE AS AN INSTRUMENT OF IDENTITY CONSTRUCTION: EXISTENTIAL-NARRATIVE APPROACH

Autobiography as a “first-person” story, telling about who I am in my whole life, takes part in construction of socially shared knowledge about one’s Self. Narrative form of story, including plot, language patterns and metaphors used, unconsciously manages protagonist image and impressions of narrator’s figure. We consider image schemas of mental representation of time and space, along with verbal models of temporal coherence and topology of life events in narrative structure to be of significance. T. Habermas and S. Bluck (2000) claims that life narratives and autobiographical reasoning are delineated in terms of 4 types of global coherence (temporal, biographical, causal, and thematic). M. Johnson (1987) argued that image schemas as dynamic analog representations of spatial relations and movements in space can be used in processing of abstract concepts, for example a “course of life” idea can be interpreted in terms of “pass”, “link”, “cycle”, “center-periphery” and “scale” image schemas of embodied sensorimotor experience. Our study provides new understanding of relations between global coherence of life narratives and image schemas of time representation in autobiography in frame of protagonist and narrator’s identity presentation. Multiple re-telling of life story in different social context and time periods, along with tolerance of post-modernity discourse to discordance, multi-dimensions, fluidity of boundaries, fragmentariness of narrative, all of it challenges the image of a whole, united, proactive and developing protagonist. Our findings suggest the potential usefulness of the acknowledgement of modern “empirical self” as contextually multiple, dynamically transforming and fluid, developing horizontally toward experiencing the full range of polarities, on condition that we consider the narrative identity potential of “existential self” construction in discourse of human

Зайцева Юлия Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 7/9; J.E.Zaitseva@spbu.ru

Zaytseva Yulia Evgenjevna — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; J.E.Zaitseva@spbu.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-36-01357.
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

dignity, providing the realization of its wholeness by discounting the boundaries between multiple selves in time and social space, by means of discursive deconstruction of self-esteem value scales. Refs 50. Tables 1. Figs 4.

Keywords: identity, autobiography, Self-narrative, narrative coherence, image schema, time, existential self, multiple selves.

Индивидуальность человека в качестве субъекта своего жизненного пути долгое время рассматривалась как *условие* уникальности полученного им жизненного опыта. Б. Г. Ананьев одним из первых акцентировал в своих «Подступах к индивидуальности» ее формирование как *результат* достижения определенного этапа в развитии человека [1]. Благодаря системообразующему эффекту за счет согласованного функционирования подструктур личности, индивида и субъекта деятельности на этом этапе возникают качественные изменения в характере саморегуляции. Ослабляются функциональные связи с надсистемами (социальными и биологическими), а процессы адаптации и социализации уступают ведущую роль субъектной активности (в том числе процессам самоактуализации, индивидуализации и самодетерминации) [1–4]. Индивидуальность начинает интересовать психологов не столько в качестве совокупности индивидуально-психологических особенностей, опосредующих любое внешнее средовое воздействие (парадигма реакции), сколько как система субъектных свойств (парадигма проактивного поведения), в том числе в рамках деятельности по самоконструированию. Особую значимость в этом контексте приобретают процессы индивидуального самоопределения или самоидентификации. Поиск ответа на вопрос «Кто Я?» переходит в плоскость экзистенциального решения, выбора своего будущего «Я». Конструирование, защита и переконструирование личной идентичности становятся постоянной жизненной задачей человека современного общества.

Теоретико-методологические основания экзистенциально-нарративного подхода к конструированию идентичности включают в себя: 1) идеи о социальном конструировании знания; 2) интерес к феноменологии как «взгляду от первого лица»; 3) экзистенциальный подход к ценности уникального варианта жизни каждого человека, характерный для него взгляд на человека как на субъект жизненного пути и интерес к пространству-времени как к базовым экзистенциалам бытия человека; 4) нарративный подход, показывающий роль языковых структур и паттернов, метафор и практик коммуникации в процессе социального познания и самопознания. В настоящей работе мы планируем подробнее раскрыть опыт применения указанных выше теоретико-методологических оснований при исследовании автобиографического Я-нарратива.

Основные задачи экзистенциально-нарративного подхода к исследованию процессов конструирования идентичности: во-первых, проследить как различное понимание идентичности связано со способом конструирования автобиографического нарратива; во-вторых, проанализировать лежащие в основе этого процесса когнитивные механизмы, в частности роль согласованности понимания времени, его образной ментальной репрезентации и вербальной структуры нарратива; в-третьих, предложить способы нарративного анализа конструирования экзистенциальной идентичности в дискурсе свободы и достоинства как ответа на культурно-социальные вызовы образу целостной, проактивной и развивающейся

индивидуальности героя в пространстве множественных, текучих и фрагментарных Я-нарративов. В настоящей работе мы представим те методологические позиции, которые стали ключевыми для выбора дизайна серии наших эмпирических исследований, и кратко обозначим логику их применения для решения указанных выше задач.

Теоретико-методологические предпосылки экзистенциально-нарративного подхода к проблеме конструирования идентичности

1. Социальное конструирование знания о своей идентичности и феноменология «Я».

Первым методологическим основанием нашей работы стало представление о социальном характере конструирования знания. Знания конструируются «между людьми» Бергер, Лукман [5], Рорти [6], Герген [7], Джорджи [8], Выготский [9–14], Хабермас [15]. В процессе коммуникации формируется разделяемая теоретическая «рамка», придающая общее значение определенным фактам или явлениям. Человеческое обучение социально по своей природе. Это касается и процесса создания «знания о себе». Присвоение собственного опыта также требует построения разделяемой членами сообщества смысловой «рамки», а значит — требует коммуникации. Как научные конференции, симпозиумы и диспуты преобразуют отдельные разрозненные факты и результаты исследований в разделяемое профессиональным сообществом достоверное научное знание, так рассказывание историй о себе позволяет сформировать образ собственного «Я», свою идентичность, не только адекватную личным переживаниям, но и понимаемую другими.

Вторым методологическим основанием выступает феноменологический подход. Нас интересует представление человека о мире, в котором он живет, и о своем месте в нем. В понимании субъективной реальности, картины мира и личной идентичности нам может помочь только знание «от первого лица» [16–18]. Безусловно, факты биографии важны, они создают уникальную фактуру жизненного пути, однако именно субъективное восприятие этих фактов, особенности их переживания и осмысления составляют содержание индивидуального опыта, который затем будет интегрирован в обобщенный «образ Я», станет основой мировоззренческих концептов и личной идентичности. В связи с этим основным объектом наших эмпирических исследований становятся автобиографии, рассказанные в процессе интервью или составленные самими респондентами в виде свободных сочинений. В качестве предмета наших исследований выступает процесс интеграции опыта пережитых и осмысленных жизненных событий в представления о своем «Я». Нас интересуют механизмы и стратегии конструирования своего «Я» как героя жизненного пути.

2. Экзистенциальное измерение личной идентичности

Общепсихологический характер нашего исследования не позволяет нам сосредоточить внимание на содержательном характере жизнеописаний отдельных респондентов или выборки типичных представителей частных социокультурных групп. В единичных случаях мы ищем репрезентацию всеобщего, характерного для работы человеческого самосознания в целом. Поиск в индивидуальном жиз-

ненном пути (в его субъективной трактовке) общечеловеческих закономерностей бытия человека в мире наиболее полно реализован *экзистенциальным направлением* в психологии (Франкл [19], Ялом [20], Дружинин [21], Гришина [22]). Характерным для этого направления является интерес к жизни человека как к уникальной целостности. Жизненный путь во всей своей протяженности, целиком, от рождения до смерти, рассматривается как феномен, требующий описания и осмысления каждым человеком в качестве субъекта не только его конструирования, но и познания. Особенно остро человек переживает эту необходимость перед лицом смерти. Известный нейропсихолог и блистательный феноменолог, знаменитый своим легким слогом и точными клиническими наблюдениями, Оливер Сакс пишет в прощальном автобиографическом эссе для своей авторской колонки газеты «Нью-Йорк Таймс» [23], сравнивая свои переживания с опытом известного философа и ученого Дэвида Юма: «За последние несколько дней я смог увидеть свою жизнь как бы с большой высоты, как ландшафт, и во мне углублялось ощущение связанности всех ее составляющих». Узнав о своей скорой смерти, Юм в тот же день пишет свое известное автобиографическое эссе «Моя жизнь». Показателен и сам этот факт, и то, что это сразу вспоминается Саксом, оказавшимся в схожих обстоятельствах. Оливер находит поддержку в его словах, а также отмечает сходства и различия в характере и способах взаимодействия с миром. Разделяя со своим любимым философом сохранившийся интерес к жизни и стремление к продуктивности до самого конца, благодарность прожитому, он отмечает в качестве важной особенности изменение временной перспективы и неожиданное чувство обострившейся фокусировки на существенном: «Я неожиданно чувствую сфокусированность, — пишет Сакс, — и вижу перспективу. Нет времени ни для чего несущественного. Я должен сосредоточиться на себе, на моей работе и на моих друзьях. Я больше не буду смотреть новости по вечерам. Я больше не буду тратить свое внимание на политику или споры о глобальном потеплении. Это не безразличие, а отсутствие привязанности: меня по-прежнему глубоко волнует ситуация на Ближнем Востоке, глобальное потепление, растущее неравенство. Но это больше не мое дело — эти вещи принадлежат будущему» [там же]. Вслед за Юмом автор обозначает этот феномен как «непривязанность». Такое изменение позиции не предполагает отказа от участия в жизни, но позволяет выстроить отношение к ней как к целому, сосредоточив на этом процессе максимум жизненных усилий. «Это не значит, что жизнь для меня кончена, — пишет Сакс. — Напротив, я чувствую себя чрезвычайно живым, и я хочу и надеюсь за оставшееся время добиться еще более глубокой дружбы, попрощаться со всеми, кого люблю, написать что-то еще, попутешествовать, если хватит силы, достичь новых уровней понимания и смысла. Это потребует дерзости, ясности и прямоты речи. Мне придется добиться ясности в моих отношениях с миром. Но у меня останется время и на веселье (и даже на какую-нибудь глупость)» [там же].

Благодаря временной перспективе смерти отсеиваются многие значимые объекты приложения жизненных усилий и вычлняются те, которые предполагают *незаменимость* субъекта. Именно то, что не сможет выполнить никто более, становится основной жизненной целью. «Таких, как мы, больше не будет. Но никогда не будет и таких, как вы, — отмечает Сакс. — Когда люди умирают, их уже не заменить». Таким образом, со сменой временной перспективы изменяется и логика

конструирования, защиты и переконструирования идентичности. Теряют актуальность наши привычные мотивы самооценивания, выделенные К. Сидикидесом [24]: мотив самовозвеличивания (убедиться, что я замечательный или хотя бы достаточно хорош, с точки зрения значимых для меня людей, референтной группы, меня самого); самождественности (я по-прежнему узнаваем, похож на самого себя); самопознания (я достаточно хорошо себя знаю, и это действительно объективная картина); самоулучшения (я становлюсь лучше или хотя бы двигаюсь в верном для этого направлении). Главным для человека становится вопрос уникальности, но не в контексте отличия от других, а *уникальности как субъекта*. Какая именно из моих связей с миром может быть реализована только мной и никем иным? В какой моей деятельности может и должна она быть прояснена и реализована здесь и сейчас? Таким образом, фокус внимания смещается от нормативного и потенциального жизненного сценария к фактическому и актуальному проживанию субъектом жизненных событий. Фактическое и актуальное при этом не сводится к пассивному и гедонистическому переживанию сиюминутного, но отражает своеобразие активного личного присутствия в мире здесь и сейчас. В центре внимания исследователя и самого человека оказывается уникальный *вариант жизни*, не в логике сравнения с нормативным образцом или оценки степени реализованности потенциально-возможного, а как таковой, в своем качественном своеобразии.

За счет сужения объема связей с миром акцентируются наиболее существенные, выявляется их глубина, происходит не столько снижение сложности системы идентичности, сколько ее качественное преобразование. Процесс переструктурирования связей с миром, их объективизация для лучшего понимания и вычленения наиболее существенных, порождает и неизбежное изменение самой идентичности человека, продельвающего эту работу. Отсюда и наш исследовательский интерес к наиболее обобщенному уровню интеграции человеческой идентичности — экзистенциальному, — уровню столкновения с существенными темами, общими, касающимися бытия любого и каждого человека, или особенными, проявляющимися в уникальной жизни.

Интеграция целостного жизненного опыта через призму поиска ответов на вопросы «Кто Я как человек, проживающий именно эту жизнь?», «Кто Я в своей жизни в целом?» позволяет в качестве образа идентичности сконструировать образ героя жизненного пути как субъекта жизненных решений. Даже если сценарий предполагает трактовку событий жизненного пути как череды случайностей и нелепостей, а герой предстает «соломинкой в бушующем море», человек выступает здесь как действующий субъект, с различной степенью успешности прилагающий жизненные усилия для реализации своих целей или для сопротивления неблагоприятным внешним воздействиям. *Мера субъектности* — ответственного, осознанного и инициативного авторства — в этом случае становится контекстом понимания жизненного события. Упущенная и незамеченная возможность изменения жизненной ситуации анализируется в терминах неосознанного, реактивного и консервативного выбора, а герой описывается и понимается как непроизвольно принимающий решение сохранить статус-кво. Согласно парадигме экзистенциальной психологии, проактивность человека позволяет нам утверждать наличие потенциальной возможности откликнуться на «вызов» жизненной ситуации быть измененной или спровоцировать такой вызов самостоятельно. Жизненный мир,

по Хабермасу [25], дан нам в трех измерениях: объективном, социальном и субъективном. Изменения хотя бы одного из них достаточно для трансформации смысла ситуации в целом, в том числе если «выход за рамки» будет касаться исключительно изменения отношения к ситуации [19].

3. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности

При универсальных обстоятельствах бытия человека — жизни, разворачивающейся в конечном отрезке времени и на ограниченном пространстве (физического, социального и даже субъективного мира), полном разнообразных барьеров и требуемых усилий по их преодолению, — человек выстраивает уникальный «рисунок», свой вариант жизни. Некоторые из таких вариантов метафорически закрепляются в культуре в виде образцовых, парадигматических жизнеописаний. Структуры и метафоры из таких нарративов человек может использовать для постижения уникальных смыслов своей жизни. Средством такого познания, с нашей точки зрения, является автобиографирование как специфический *коммуникативный акт* [25, 26]. Коммуникативное действие, по Хабермасу, направлено на поиск и установление взаимопонимания относительно ситуации, в которой оказались действующие субъекты. В данном случае ситуации, в которой субъект повествует другому или другим о событиях своей жизни в контексте собственного жизненного мира. Такое повествование предполагает обращение к трем аспектам жизненного мира: к объективному миру фактов (с включением в рассказ обоснований истинности суждений о них), к социальному миру разделяемых сообществом норм и ценностей (с указанием правильности высказываемых мнений) и к субъективному миру переживаний (со свидетельствами искренности рассказчика). В процессе построения рассказа происходит также самоисследование в двух направлениях: диахроническом (динамики жизненного мира во времени) и синхроническом (в сравнении его с жизненным миром другого) [там же]. Согласно концепции Э. Эриксона [27], именно в этих двух направлениях происходят исследование, закрепление и последующая интеграция Эго-идентичности. Одновременно с созданием включенного в социальный контекст, разделяемого значимыми другими, понимаемого и признаваемого знания о своей жизни формируется и идентичность человека как субъекта своего жизненного пути.

Нарратив как определенная *структура повествования* позволяет: во-первых, приоткрыть для собеседника часть субъективной (феноменологической) реальности, дополнив факты описанием намерений и планов, а также субъективно воспринимаемых препятствий («ландшафт сознания», по М. Уайту [28]); во-вторых, тематически структурировав факты, передать субъективное ощущение успешности и неудачи на различных этапах реализации намерения (в начале истории, в точке кульминации и в итоге); в-третьих, проиллюстрировать обоснованность нормативного суждения, через извлеченный из жизненной истории «урок», мораль повествования. Нарратив, таким образом, выступает одновременно как способ достижения взаимопонимания и как когнитивная схема познания социальных ситуаций. Благодаря обобщению фактов человеческой жизни в виде истории или нарратива она приобретает для человека смысл. Принятие важных жизненных решений, исходы моральных дилемм, в свою очередь, обусловлены нарративной структурой историй о происходящих событиях, через призму которых кодируется воспринимаемая ситуация и ожидается ее развитие [см. обзор: 29]. Показательно,

что вербальное содержание Я-нарративов в определенной жизненной сфере (набор персонажей, их мотивы, характер интриг, особенности начала и финала истории) могут быть достаточно стабильны и характерны для личности [30–33]. Стабильность нарративных схем, с одной стороны, обеспечивает легкость *взаимопонимания* между членами сообщества, использующими принятые в данном социокультурном окружении сюжеты и паттерны, а с другой — позволяет сохранять *самостоятельность* на уровне «нарратора» — рассказчика упорядоченных историй о своей жизни.

Если рассматривать нарратив как когнитивную схему конструирования смысла через тематическое расположение фактов в виде организованных сюжетов в социальном и временном пространстве (Bruner J. [34], Sabrin T. [35], Polkinghorne D. [36], Макадамс Д. П. [31]), то Я-нарративы как «истории, которые со мной случаются», могут выступать в качестве инструмента конструирования своей идентичности. Изложение же фактов автобиографии в виде «истории своей жизни», то есть применение одной из нарративных схем, одновременно 1) тематически структурирует ее, вычлняя основные актуальные связи с миром; 2) отражает генерализованное самоотношение и его динамику в разные периоды; 3) позволяет транслировать и утвердить в дискурсе определенные ценностные ориентации, убеждения, мировоззренческие и экзистенциальные установки как правильные, обоснованные этой жизненной историей.

Нарративно-экзистенциальный анализ автобиографических Я-нарративов позволяет, таким образом, во-первых, проанализировать взаимовлияние личного и культурно-социального уровня в конструировании идентичности; во-вторых, исследовать способ структурирования жизненного мира и выявить наиболее значимые на экзистенциальном уровне формы самоидентификации; в-третьих, проследить рождение «нарративной идентичности» (Рикер [37]) в процессе коммуникативного акта — идентичности автора, избравшего в своем автобиографическом рассказе определенную логику согласования частей жизни в единое смысловое целое.

Метафорическая репрезентация времени в Я-нарративе как когнитивный механизм смыслового согласования образа идентичности

В качестве ключевых когнитивных механизмов конструирования смысловой целостности Я-нарратива и, соответственно, образа нарративной идентичности, с нашей точки зрения, выступают способы *согласования событий во времени*. Любая нарративная структура принципиально вводит происходящее здесь и сейчас событие во временной контекст тематически связанного с ним прошлого и ожидаемого будущего. Однако способы конструирования данной связи «прошлое–настоящее–будущее» усваиваются человеком постепенно. Т.Хабермас и С.Блак [38] выделяли четыре типа временной согласованности в структуре автобиографического нарратива, осваиваемой детьми поэтапно, по мере вхождения в культуру и приобретения нарративной компетенции — умения рассказывать «правильно» структурированные истории. К ним относятся: временная (умение выстроить события в хронологической последовательности); биографическая (умение включить в личную историю шаблоны культурно-типичных жизненных сценариев); причин-

но-следственная (умение отразить в истории причинно-следственные взаимосвязи событий жизни и паттерны «цель–средство») и, наконец, тематическая (умение организовать историю вокруг главной «темы», ценности или жизненного принципа, иллюстрацией которой будет конкретное жизнеописание). Уже трехлетние дети активно вовлечены в разговоры с родителями о своем недавнем прошлом, событиях за день, планах на ближайшее будущее. Интенсивно усваивается способность выстраивать личный опыт в виде последовательности событий: «сначала то...», «затем это...», «потом...», «а после того...». К пяти годам дети хорошо различают основные элементы тематически структурированной («незапутанной» и «интересной») истории: главный герой, его намерение и препятствие к его реализации, пространство и время начала истории и ее конца, в котором должен разрешиться сюжет, а также мораль истории, показывающая, почему герой преуспел или нет в реализации своего стремления. Между пятью и десятью годами ребенок учится каузально и тематически структурировать отдельные эпизоды своей биографии. Одновременно с этим осваивается нормативный способ репрезентации своей биографии в целом: выделяются конвенциональные фазы жизни и приемлемые формы причинно-следственных объяснений связей между событиями. К подростковому возрасту появляется каузальная согласованность автобиографии: анализ события, его последствий и трансформаций в контексте целостного жизненного пути. К этапу зарождающейся взрослости молодые люди готовы использовать в своих автобиографических нарративах все четыре вида согласованности, включая тематический (Макадамс, [31]), где для различных по содержанию жизненных эпизодов автор находит общий мотив, тему или тематическую категорию. «Автобиографическая память, — пишет Макадамс, — и нарративное понимание развиваются теперь до уровня, где их можно будет призвать на службу формирования идентичности» [там же, с. 143]. Причинно-мотивационная (каузальная) и тематическая согласованности Я-нарратива направлены на то, чтобы ответить на вопрос, кем человек является сегодня, путем рассказывания того, как он стал таким человеком. При чем последняя позволяет слушателям воспринять, что именно является стабильным с жизни рассказчика, а первая объясняет изменения в его личности [38].

Мы предполагаем, что в основе различных типов временной согласованности автобиографических нарративов лежат различия в самой трактовке понятия времени. Использование различных **метафор времени** обуславливает способ организации автобиографических событий. Нами была предпринята попытка проанализировать различные типы временной согласованности автобиографических нарративов с точки зрения **образных метафорических схем** репрезентации времени жизни. Построение когнитивных схем познания сложных абстрактных объектов через метафорическое сопоставление с привычным сенсорно-перцептивным и двигательным опытом телесного взаимодействия с материальными предметами окружающего мира легло в основу теории «образных метафорических схем» — «image schema» Марка Джонсона [39]. Актуализация данных схем происходит имплицитно, через метафоры, встроенные в типичные языковые паттерны. Так, например, сам термин «жизненный путь» является закрепленной в языке метафорой жизни как «дороги» или «направления» и провоцирует на перенос опыта целенаправленного перемещения в пространстве. Использование образных схем задает контекст понимания, включая исследуемое понятие в рамки определенной метафо-

ры. Так каждая из используемых метафор времени жизненного пути определенным образом структурирует понимание связи между биографическими событиями как его элементами, а также роль человека как субъекта, «идущего по этому пути» или «прокладывающего его». М. Джонсон выделил несколько образных схем, наиболее часто структурирующих описание времени жизни: «путь», «цикл», «центр–периферия», «связь», «шкала» [там же].

Нам представляется существенным проанализировать логику взаимосвязи между применением определенной образной схемы для репрезентации времени и способностью к использованию в автобиографическом нарративе определенного типа временной согласованности (см. табл. 1) как инструмента конструирования идентичности. Первичная трактовка времени предполагает понимание его как простой последовательности событий. Типичные дискурсивные маркеры таких описаний: «сначала» — «потом», «перед этим» — «после того», «до того» — «затем». Временная согласованность данного типа позволяет выстроить биографические события в хронологическом порядке, не делая различий между фабулой и сюжетом. Образная схема, лежащая в основе данной структуры, — метафора «пути»: то есть перемещения из одной точки пространства в другую, с последовательным переходом через цепочку сменяющих друг друга точек на маршруте (рис. 1). Эта схема содержит привычный нам с детства опыт движения, который требует приложения усилий для целенаправленного перемещения и не позволяет нам одновременно находиться в нескольких удаленных друг от друга точках пространства или же нарушать порядок их прохождения. Субъект может задать направление движения: «от точки А к точке С через точку В» и наоборот. Выбор «якорного» события, от которого ведется отсчет («направление движения»), может впоследствии стать основой для построения истории с временным согласованием иного типа: как нормативного старта жизненного сценария, или центрального события, причины и следствия которого анализируются, или тематически наиболее существенного как завязка, кульминация или развязка сюжета. Трактовка времени жизни как последовательности, линейной хронологической оси, на которой расположены события, предполагает понимание идентичности как субъекта, «движущегося вдоль этой линии», «встречающего события», но не «прокладывающего» этот маршрут.

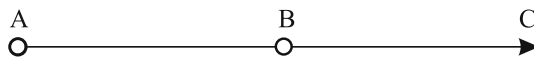

Рис. 1. Образная схема время жизни как «путь» [39]

Второй способ репрезентации времени отражает нормативный человеческий способ его социального структурирования. Он подчеркивает интересубъективный культурно-детерминированный характер его восприятия. Время как *пространство*, топос «уместного» поведения. Типичными примерами могут выступать: «время пить чай», «время ужина», «время жатвы», «время учебы», «рабочее время», «выходной», «праздники», «Новый год». Такое описание времени придает определенным его периодам качественное своеобразие. Если продолжить метафору жизненного пути, то кроме маршрута как направления движения жизненный путь приобретает свой уникальный ландшафт. Образная схема, используемая на данном этапе, на наш взгляд, — это «социальный цикл» (рис. 2). Структурирование

времени в виде социальных циклов означает, что с течением времени изменяются «правила игры»: то, что было уместно и хорошо на одном этапе, фазе цикла, может быть совсем не уместно на другом. Так, определенное поведение хорошо и правильно в школе, но неприемлемо в вузе; одобряемо для взрослого и недопустимо для ребенка, достойно в отпуске и наказуемо на работе. Границы каждого из этих циклов представляют собой определенный «барьер», выход за рамки которого требует усилий, качественного изменения модели поведения, а также завершения истории данного нормативного этапа, включая подведение итогов и оценку. Благодаря включенным в структуру языка социальным циклам: неделя, месяц, год, детский сад, школа, вуз, работа, первый и второй брак, пенсия и т. д. — нам легче «начинать новую жизнь с понедельника», «подводить итоги года», «ожидать кризис середины жизни». Биографическая согласованность предполагает репрезентацию жизненного пути как нормативной последовательности таких социальных циклов. Автобиографический нарратив в этой логике предполагает соотнесение последовательности жизненных событий с нормативными циклами. Последние могут иметь привязку к возрасту («пошел в школу в 6 лет») или к последовательности жизненных событий («мы поженились, когда детям уже было пять и два года»). На основе таких нормативных социальных циклов Ж. Нюттен [40] приписывал темпоральные знаки мотивационным объектам временной перспективы будущего. Идентичность, конструируемая на основе нормативного способа репрезентации времени жизненного пути, есть человек в пространстве других людей: близкий им (прошедший схожий жизненный путь и достигший соответствующих результатов при реализации культурно-типичного жизненного сценария) или удалившийся от них (отличаясь последовательностью прохождения жизненных этапов; возрастом реализации предписанных жизненных задач или мерой успешности их решения).

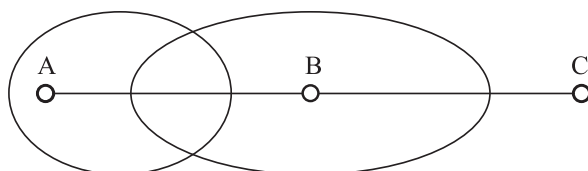

Рис. 2. Образная схема «цикл» [39] в метафоре жизненного пути. Время жизни как пространство нормативного поведения

Возникновение целостной структуры временной перспективы связано не столько с размещением мотивационных объектов в пределах нормативно заданных темпоральных циклов, но с внесением субъектной составляющей в метафору жизненного пути. Построение каузальных связей между событиями по типу «причина — следствие» и «средство — цель» позволяет центрировать нарратив вокруг интенций героя. Прошлое, таким образом, становится условием возникновения настоящего, а будущее — потенцией его изменения. Прошлое — более не «прошедшее», завершившееся и исчезнувшее за горизонтом, а будущее — не туманное «далеко», «еще не здесь». Все три состояния касаются теперь одного объекта, отражая логику его изменений. Время превращается в метафору *расстояния* между предметом в его текущем состоянии и им же в прошлом или в будущем. Пользуясь терми-

нологией М. К. Мамардашвили, можно сказать, что время понимается как «отличие предмета или явления от самого себя», а жизнь — как «усилие во времени» [41]. Случившееся к моменту настоящего изменение фиксируется как опыт, а потенциальное — ожидается. Если субъект может повлиять на изменения, приложив усилия, то время отражает меру этих усилий по целенаправленному преобразованию. Если же изменение должно произойти само по себе, то время есть мера терпения субъекта в ожидании необходимой степени преобразования. Усилия субъекта могли быть отдельно зафиксированы в некоторых «силовых» образных схемах. Образные же схемы, позволяющие зафиксировать такую метафору как пространственную, на наш взгляд — «связь» и «центр–периферия». Схема «центр–периферия» позволяет выделить определенные ожидаемые или текущие события как фигуру на фоне и проследить за их изменениями, «связав» с некоторыми прошлыми или будущими ситуациями. Воспринимаемые прошлые и будущие события рассматриваются не как два изолированных объекта, не отдельно причина и отдельно следствие или средство и цель, но как части одной системы. Фактически несколько эпизодов биографии видятся как одна динамически трансформирующаяся ситуация, то есть один и тот же предмет в разных состояниях. Схема «связи» — веревки, скрепляющей предметы и объединяющей их в общую структуру, — позволяет смоделировать такой «гештальт» (рис. 3) во временной перспективе. Точкой «центра» здесь может выступать прошлое событие, настоящее или будущее, задавая временную ориентацию. Мера удовлетворенности каждым из состояний — направленность усилий на их сохранение («не подвластность времени») или изменение. Идентичность, построенная на базе этого согласования, — субъект, различающий происходящее по его инициативе, реализованное в меру приложенных усилий, и предполагающее персональную ответственность за результат, и изменяющееся само по себе, порой вопреки ожиданиям и чаяниям, и требующее смирения, приложения усилий терпения и переживания.

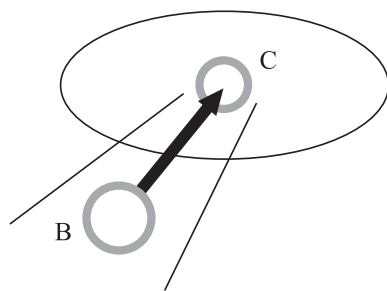

Рис. 3. Образные схемы «связь» и «центр–периферия» [39] во временной перспективе жизненного пути (ориентация на будущее). Метафора времени как расстояния, меры изменений

Тематическое согласование автобиографического нарратива предполагает концентрированность на герое, чьи намерения сталкиваются с различными препятствиями, трансформируются, отмечают собой прохождение этапов и фаз его становления и, наконец, в финале реализуются, возвеличивая героя или же свиде-

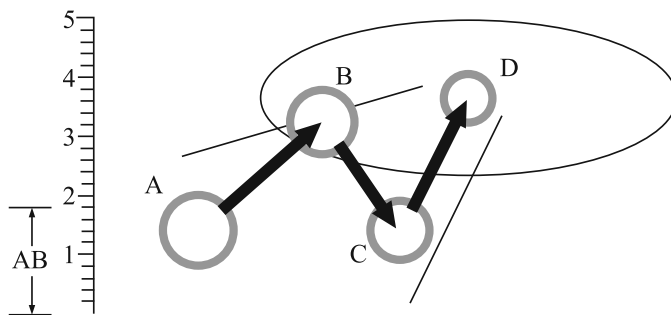

Рис. 4. Образная схема «шкала» [39] во временной перспективе жизненного пути. Метафора времени как динамики приложения усилий

тельствуют о его крахе. Для этого нарратор вынужден разотождествиться с описываемым персонажем и описывать его жизненный путь объективированно как цельную жизненную ситуацию в процессе изменений. Сам же герой жизненного пути рассматривается как индикатор (аккумулятор) этих преобразований. Образной схемой, лежащей в основе используемой здесь метафоры времени, с нашей точки зрения, становится «шкала» (рис. 4). В отличие от движения по «пути», «шкала» накапливает прошедшие изменения. В логике шкалы если у вас есть 15 копеек, то у вас есть и 10. Если применить схему «пути» к дороге из Петербурга в Москву, то, приехав в Бологое, вы больше не в Петербурге и еще не в Москве. А если мы применим схему «шкалы», то находясь в Бологое — мы «на полпути к Москве». Применение данной схемы преобразует прохождение промежуточных элементов жизненного пути в накопление опыта. Каждый из эпизодов начинает оцениваться исходя из отношения к некоторой «финальной цели». В образной схеме «шкалы» больше — это, как правило, «вверх», меньше — «вниз» (согласно М. Джонсону, возможно, по аналогии с повышением уровня поверхности в емкости фиксированного объема при увеличении количества вещества). Добавляя к этому метафору пошагового приближения к конечной цели, мы получаем образ жизненного эпизода как «ступени». Отсюда изменяется логика саморегуляции прилагаемых жизненных усилий. Представим динамику в рамках горизонтального движения: приложение усилий и движение по инерции, пауза терпения как ожидание возможности дальнейшего движения. Своевременность приложения усилий приводит к эффективности прохождения маршрута, увеличивая или уменьшая суммарную затрату усилий на достижение определенного рода изменений. Логика движения с учетом вертикального «ценностного» измерения больше напоминает «прогулку по горам»: подъем требует рывков или приложения усилий в течение всей фазы движения наверх, несвоевременность приложения усилий чревата «падением», спуск требует удержания повышенного контроля над собой. Наиболее значимым становится описание качественного своеобразия фаз жизни как достижения «пиков», удержания на «плато», спуска в «долины» или «низины», прохождения «поворотных моментов». Таким образом, жизненный путь больше не последовательность изолированных событий; не маршрут, который следует пройти за определенное количество лет; не расстояние, пройденное за отведенное время. Время становится

отражением *темпоритма* приложения жизненных усилий. П. Рикер [37] применял метафору «растяжения» настоящего до образа ожидаемого финального будущего, с одной стороны, и точки начала действия в прошлом — с другой. Удерживая целостный образ всего пути, человек регулирует вниманием прохождение определенных фаз в настоящем, преобразуя результат во все увеличивающийся опыт. Наложение единой метрики схемы «шкалы» на жизненный путь позволяет выделить фазы жизни, отразить значительность изменений в рамках каждой фазы с точки зрения их скорости (то есть меры преобразования в сравнении с длительностью этой фазы), оценить интенсивность и динамику приложенных усилий для достижения данных изменений в рамках каждой фазы, учесть «вертикальное измерение» как контекст их значимости (тем самым вычленив кульминационные эпизоды, обладающие взрывным темпоритмом и максимальной значимостью) и в итоге дает возможность нарратору отразить не только сюжет, но и драматургию жизненной истории. В такой модели идентичность героя жизненного пути конструируется как результат сравнительного анализа фактически проходимой «линии жизни» и гипотетических альтернатив, которые с позиции «нарратора» оцениваются как вероятные при другом выборе цели, ценностной шкалы или характере приложения усилий в ключевых точках жизненного маршрута.

Таблица 1. Связь структуры временной согласованности автобиографического нарратива, используемой образной схемы и понимания времени

Согласованность нарратива (Хабермас, Блак [38])	Образная схема (Джонсон [39])	Понимание времени через пространственную метафору
Временная	Путь	Время как последовательность
Биографическая	Социальный цикл	Время как пространство нормативного поведения
Каузальная	Центр–периферия. Связь	Время как мера изменчивости, отличие предмета и явления от самого себя. Длительность фаз терпения и приложения усилий
Тематическая	Шкала	Время как динамический процесс изменений. Время как темпоритм приложения усилий

Проведенный нами первичный пилотажный анализ 40 автобиографических сочинений представителей различных поколений, собранных Биографическим фондом Социологического института РАН, позволил нам уточнить представленную выше схему, показав возможность расширения модели за счет образных схем «силового взаимодействия». Также нами были сформулированы 16 ключевых ассоциаций, связываемых с понятием «время в моей жизни» (по 4 для каждой метафоры времени), и проведена апробация метода диагностики предпочитаемой метафоры в качестве подготовки к проведению качественно-количественного этапа анализа метафор времени и пространства в жизненных сценариях и Я-нарративах людей различных поколений.

Дискурсивный контекст и социокультурные вызовы нарративной идентичности современного человека

Подобная постановка проблемы обусловлена качественным изменением социокультурного контекста конструирования идентичности современного человека. Эпоха постмодерна бросает вызов интегрированности фигуры автора и его персонажа. Культура модерна поддерживала модель человека как целостного, проактивного и развивающегося, что обуславливало его психологическое здоровье и благополучие. Такая модель находит свое отражение как в классических отечественных теориях личности (Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева и др.), так и в различных направлениях зарубежных теорий становления интегрированной индивидуальности (Э. Эриксона, А. Адлера, К. Роджерса и пр.). Модели идентичности XXI века все чаще подчеркивают: 1) одновременную множественность, многомерный характер идентичности человека, контекстно актуализирующийся, а не иерархически организованный (теория «диалогического я» Г. Херманса [42], «насыщенного я» К. Гергена [43], модель многомерной идентичности Е. Абес, С. Джонс [44] и пр.); 2) динамический, «текучий» характер идентичности, ее постоянную трансформацию в результате решения жизненных и моральных дилемм (включая перерасказывание истории прошлого и ожидаемого будущего) [45, 46]; фиксируются в лучшем случае *стратегии* переконструирования идентичности и стилевое предпочтение некоторых из них (например, модель стилей идентичности М. Берзонского [47]); 3) фрагментарность как следствие деконструкции темы развития в рамках определенной ценностной системы (см., например, модель лоскутной идентичности Х. Кёйпа [48]). Выявление темы как дискурсивного предписания приводит не к определенности героя и принятию вызова по прохождению жизненного пути в метафоре восхождения по «лестнице», но скорее к интенции снятия темы через раскрытие ее полярностей. Развитие идет по принципу прохождения «лабиринта»: поступательно-возвратное движение с постепенным приближением к центру. Успешность реализации темы сводится не к максимально эффективной реализации интенции (кратчайшему пути наверх), но к освоению ее «полноты» (см., например, исследование медленного времени / времени–скорости и пространства выбора (лабиринта) / успеха (зигкурата) в социальных спортивных практиках Х. Эйхберга [49]). Проживание множественности всех возможных альтернатив прохождения одного жизненного маршрута, освоение темы во всем диапазоне вариативности — от одной полярности до другой вызывают к другому типу нарратива, отражая логику жанра фан-фикшн (fan fiction), складывающегося по мотивам и в контексте основного «канонического» литературного произведения. Фанфики, что характерно, набирают все более заметную популярность в мировой (сетевых) литературной практике [50].

Возможно ли снятие данного противоречия в модели человека или мы вынуждены будем пересматривать механизмы, стратегии и стили конструирования идентичности в современном культурно-историческом пространстве? Выходом, на наш взгляд, является признание и включение в концепцию идентичности множественности персонажа истории о жизни — «эмпирического Я», но также и исследование фигуры нарратора — как единства «экзистенциального Я». Такое «Я» представляет собой пустую форму, которая отражает потенциал быть субъектом и ценить, а со-

держание ценности и условия реализации лежат вне ее. Эмпирическое исследование понимаемого таким образом «экзистенциального Я» будет лежать в зоне возможностей человека к снятию ценностной шкалы не через ее обесценивание. Понимание нарративных механизмов снятия (деконструкции) схемы шкалы при сохранении безусловно ценностного отношения к единичному варианту жизни позволит способствовать реализации потенциала «экзистенциального Я»: 1) в самопринятии через отсутствие обесценивания аспектов множественной идентичности в диахроническом модусе, на разных этапах жизненного пути; 2) в возможности установить ценностную тождественность различных ипостасей «Я», а значит, и фактически проживаемых «вариантов жизни»; 3) в способности реализовать равное ценностное отношение к людям через апелляцию к человеческому достоинству при решении моральных дилемм, реализации просоциальной мотивации, расширении границ интенционального субъекта при постановке жизненной цели.

Множественное перерасказывание истории жизни в различных контекстах и в разные периоды, терпимость современного дискурса к несогласованности, многоплановости, текучести границ, фрагментарности повествования требуют признания за «эмпирическим я» современного человека контекстной множественности, динамических трансформаций и текучести, горизонтального развития в сторону опыта полноты проживания полярностей; а за «нарративным Я» рассказчика — потенциала осознания единства и цельности «экзистенциального Я» через снятие оценочной шкалы границ между множественными «Я» во времени и социальном пространстве посредством дискурса достоинства человека.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Аверин В. А. Психология личности: учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 89 с.
3. Горностай П. П. Готовность личности к самореализации как психологическая проблема // Экзистенциальная и гуманистическая психология. URL: <http://hpsy.ru/public/x1359.htm> (дата обращения: 04.11.2015).
4. Коростылева Л. А., Зайцева Ю. Е. О методологических вопросах развития и саморазвития в трудах Б. Г. Ананьева // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 3–12.
5. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge, Garden City, N. Y.: Anchor Books, 1966. 203 p.
6. Rorty R. Philosophy and the mirror of the nature. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1979. 424 p.
7. Gergen K. J. Realities and relationships. Soundings in social constructionism. Cambridge, M. A.: Harvard University Press, 1997. 368 p.
8. Giorgi A. An application of phenomenological method in psychology // Duquesne studies in phenomenological psychology, II / A. Giorgi, C. Fischer, E. Murray (Eds.). Pittsburgh (PA): Duquesne University Press, 1975. P. 82–103.
9. Выготский Л. С. О психологических системах // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 109–131.
10. Выготский Л. С. Проблема развития в структурной психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 238–290.
11. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
12. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5–328.
13. Выготский Л. С. Коллектив как фактор развития аномального ребенка // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. С. 196–218.

14. *Выготский Л. С.* Орудие и знак // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 5–90.
15. *Habermas J.* The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason: Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1985. 457 p.
16. *Гуссерль Э.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М.: РИГ Логос, 1994. 162 с.
17. *Улановский А. М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 255 с.
18. The view from within: First-person approaches to the study of consciousness / Varela F., Shear J. (Eds.). Bowling Green: Imprint Academic, 2002. 315 p.
19. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
20. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. 576 с.
21. *Дружинин В. Н.* Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЭР СЭ; СПб.: Имотон-М, 2000. 135 с.
22. *Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.11.2015).
23. *Sacks O.* My own life. Oliver Sacks on learning he has terminal cancer // The New York Times. Feb. 19. 2015. URL: <http://www.nytimes.com> (дата обращения: 04.11.2015). (Перевод приведен по: «Таких, как мы, больше не будет». Оливер Сакс о жизни, смерти и смысле // URL: <http://www.factroom.ru/life/oliver-sacks> (дата обращения: 04.11.2015)).
24. *Sedikides C., Strube M. J.* Self-Evaluation: To Thine Own Self Be Good, To Thine Own Self Be Sure, To Thine Own Self Be True, and To Thine Own Self be Better // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1997. Vol. 29. P. 209–269.
25. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
26. *Дивисенко К. С.* (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // *Социол. журнал*. 2011. № 1. С. 36–52.
27. *Erikson E. H.* Identity: Youth and crisis. New York: Norton, 1968. 336 p.
28. *Уайт М.* Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010. 326 с.
29. Narrative: living and being in time // Crossley M. *Introducing narrative psychology: self, trauma, and the construction of meaning*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2000. P. 45–65.
30. *Тжебиньский Е.* Нарративное понимание и нарративные действия // *Постнеклассическая психология*. 2006–2007. № 1 (3). С. 56–81.
31. *Макадамс Д. П.* Психология жизненных историй // *Методология и история психологии: Методология психологии*. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 135–167.
32. *Зайцева Ю. Е.* Я-нарративы жизненных перспектив молодых петербуржцев // *Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л. А. Коростылевой*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 78–94.
33. *Zaitseva J.* Narratives about dignity at different stages of moral development // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. Калининград: [Б. и.], 2014. С. 99–101.
34. *Bruner J.* The narrative construction of reality // *Critical Inquiry*. 1991. № 18. P. 1–21.
35. *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Sarbin T. R. (eds.)*. N. Y.: Praeger, 1986. 322 p.
36. *Polkinghorn D.* Narrative knowing and the human sciences. Albany: State University of New York Press, 1988. 232 p.
37. *Ricoeur P.* Life: a story in search of a narrator // *Facts and Values / M. Doerer and J. Kray (eds.)*. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1986. P. 34–68.
38. *Habermas T., Bluck S.* Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // *Psychol. Bull.* 2000. Vol. 126. P. 748–769.
39. *Johnson M.* The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London: The Un-ty of Chicago Press, 1987. 229 p.
40. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
41. *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
42. *Херманс Г.* Личность как мотивированный рассказчик // *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*. 2006–2007. Т. 3, № 1. С. 7–54.

43. Gergen K. *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life*. N. Y.: Basic Books, 1991. 295 p.
44. Abes E. S., Jones S. R., Mcewen M. K. Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: the role of meaning-making capacity in the construction of multiple identities // *Journal of College Student Development*. 2007. № 48 (1). P. 1–22.
45. Johnson M. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 302 p.
46. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000. 320 с.
47. Berzonsky M. D. Identity style: Conceptualization and measurement // *Journal of Adolescent Research*. 1989. № 5. P. 268–282.
48. Keupp H., Ahbe T., Gmür W. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Reinbek: Rowohlt, 2006. 240 с.
49. Eichberg H. *Body Cultures: Essays on Sport, Space and Identity*. London: Routledge, 1998. P. 149–164.
50. Воронина Т. Метафоры пространства и его освоение в дискурсе авторов фанфикшн-текстов // *Уральский филологический вестник*. Екатеринбург, 2012. Вып. 2. С. 61–66. (Сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 20).

References

1. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniia [Man as an object of knowledge]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p. (In Russian)
2. Averin V. A. *Psikhologiya lichnosti: uchebnoe posobie [Personality Psychology: Textbook]*. St. Petersburg, Izd-vo Mikhailova V. A. Publ., 1999. 89 p. (In Russian)
3. Gornostai P. P. Gotovnost' lichnosti k samorealizatsii kak psikhologicheskaya problema [The willingness of the individual to self-actualization as a psychological problem]. *Ekzistentsial'naya i gumanisticheskaya psikhologiya [Existential and humanistic psychology]*. Available at: <http://hpsy.ru/public/x1359.htm> (accessed 04.11.2015). (In Russian)
4. Korostyleva L. A., Zaitseva Iu. E. O metodologicheskikh voprosakh razvitiia i samorazvitiia v trudakh B. G. Anan'eva [On methodological issues of development and self-development in the works of B. G. Ananiev]. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti [Psychological problems of self-identity]*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2000, issue 4, pp. 3–12. (In Russian)
5. Berger P. L., Luckmann T. *The social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, N. Y., Anchor Books, 1966. 203 p.
6. Rorty R. *Philosophy and the mirror of the nature*. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1979. 424 p.
7. Gergen K. J. *Realities and relationships. Soundings in social constructionism*. Cambridge, M.A., Harvard University Press, 1997. 368 p.
8. Giorgi A. An application of phenomenological method in psychology. *Duquesne studies in phenomenological psychology, II*. Eds A. Giorgi, C. Fischer, E. Murray. Pittsburgh (PA), Duquesne University Press, 1975, pp. 82–103.
9. Vygotskii L. S. O psikhologicheskikh sistemakh [On psychological systems]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, vol. 1, pp. 109–131. (In Russian)
10. Vygotskii L. S. Problema razvitiia v strukturnoi psikhologii [The problem of development in structural psychology]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, vol. 1, pp. 238–290. (In Russian)
11. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1982, vol. 2, pp. 5–361. (In Russian)
12. Vygotskii L. S. Istorii razvitiia vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1983, vol. 3, pp. 5–328. (In Russian)
13. Vygotskii L. S. Kollektiv kak faktor razvitiia anomal'nogo rebenka [The collective as a factor in the development of abnormal child]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1983, vol. 5, pp. 196–218. (In Russian)
14. Vygotskii L. S. Orudie i znak [Tool and sign]. *Vygotskii L. S. Sobr. soch.: v 6 t. [The collected works of L. S. Vygotsky in 6 vols]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1984, vol. 6, pp. 5–90. (In Russian)
15. Habermas J. *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason: vol. 2*. Boston, Beacon Press, 1985. 457 p.

16. Gusserl' E. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 1: Fenomenologiya vnutrennego soznaniia vremeni* [Collected works: vol. 1: On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time]. Moscow, RIG Logos Publ., 1994. 162 p. (In Russian)
17. Ulanovskii A.M. *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniia i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow, Smysl Publ., 2012. 255 p. (In Russian)
18. *The view from within: First-person approaches to the study of consciousness*. Eds F. Varela, J. Shear. Bowling Green, Imprint Academic Publ., 2002. 315 p.
19. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian)
20. Ialom I. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiia* [Existential psychotherapy]. Moscow, Klass Publ., 1999. 576 p. (In Russian)
21. Druzhinin V.N. *Variety zhizni: ocherki ekzistentsial'noi psikhologii* [Varieties of life. Essays on existential psychology]. Moscow, PER SE Publ.; St. Petersburg, Imaton-M Publ., 2000. 135 p. (In Russian)
22. Grishina N.V. *Ekzistentsial'naya psikhologiya v poiskakh svoego vektora razvitiia* [Existential psychology in search of vector development]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological research], 2015, vol. 8, no. 42, pp. 2. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 04.11.2015). (In Russian)
23. Sacks O. My own life. Oliver Sacks on learning he has terminal cancer. *The New York Times*. Feb.19.2015. Available at: <http://www.nytimes.com> (accessed 04.11.2015). (Perevod priveden po: «Takikh, kak my, bol'she ne budet». Oliver Saks o zhizni, smerti i smysle [Translation given by "people like us, will no longer be". Oliver Sacks about life, death and the meaning]. Available at: <http://www.factroom.ru/life/oliver-sacks> (accessed 04.11.2015)).
24. Sedikides C., Strube M.J. Self-Evaluation: To Thine Own Self Be Good, To Thine Own Self Be Sure, To Thine Own Self Be True, and To Thine Own Self be Better. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1997, vol. 29, pp. 209–269.
25. Khabermas Iu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 380 p. (In Russian)
26. Divisenko K.S. (Auto)biograficheskii narrativ kak kommunikativnoe deistvie i reprezentatsiia zhiznennogo mira [(Auto)biographical narrative as a communicative action and life-world representation]. *Sotsiol. zhurnal* [Sociology Journal], 2011, no. 1, pp. 36–52. (In Russian)
27. Erikson E.H. *Identity: Youth and crisis*. New York, Norton, 1968. 336 p.
28. Uait M. *Karty narrativnoi praktiki: Vvedenie v narrativnuiu terapiiu* [Maps narrative practice: Introduction to narrative therapy]. Moscow, Genezis Publ., 2010. 326 p. (In Russian)
29. Narrative: living and being in time. Crossley M. *Introducing narrative psychology: self, trauma, and the construction of meaning*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2000, pp. 45–65.
30. Tzhebin'skii E. Narrativnoe ponimanie i narrativnye deistviia [Narrative understanding and narrative action]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. 2006–2007* [Postnonclassical Psychology. 2006–2007], no. 1 (3), pp. 56–81. (In Russian)
31. Makadams D.P. *Psikhologiya zhiznennykh istorii* [Psychology of life stories]. *Metodologiya i istoriia psikhologii: Metodologiya psikhologii* [Methodology and History of Psychology: Psychological methodology], 2008, vol. 3, issue 3, pp. 135–167. (In Russian)
32. Zaitseva Iu. E. Ia-narrativy zhiznennykh perspektiv molodykh peterburzhtsev [Self-narratives of the life prospects of young St. Petersburg]. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Psychological problems of self-identity]. Ed. by L. A. Korostyleva. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2014, issue 14, pp. 78–94. (In Russian)
33. Zaitseva J. Narratives about dignity at different stages of moral development. *Shestaia mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Kaliningrad, 23–27 iunია 2014 g.* [Sixth International Conference on Cognitive Science: Abstracts, Kaliningrad, 23–27 June 2014]. Kaliningrad, (B. i.), 2014, pp. 99–101.
34. Bruner J. The narrative construction of reality. *Critical Inquiry*, 1991, no. 18, pp. 1–21.
35. *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. Ed. by T. R. Sarbin. N. Y., Praeger, 1986. 322 p.
36. Polkinghorn D. *Narrative knowing and the human sciences*. Albany, State University of New York Press, 1988. 232 p.
37. Ricoeur P. Life: a story in search of a narrator. *Facts and Values*. Eds M. Doeser, J. Kray. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1986, pp. 34–68.
38. Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychol. Bull.*, 2000, vol. 126, pp. 748–769.

39. Johnson M. *The Body in the Mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago; London, The University of Chicago Press, 1987. 229 p.
40. Niutten Zh. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and future prospect]. Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, Smysl Publ., 2004. 608 p. (In Russian)
41. Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaiia topologiia puti* [Psychological Topology of Path]. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2014. 1232 p. (In Russian)
42. Khermans G. Lichnost' kak motivirovannyi rasskazchik [Personality as motivated narrator]. *Postneklassicheskaiia psikhologiia. Sotsial'nyi konstruksionizm i narrativnyi podkhod. 2006–2007* [Postnon-classical psychology. Social constructionism and narrative approach. 2006–2007], vol. 3, no. 1, pp. 7–54. (In Russian)
43. Gergen K. *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life*. N. Y., Basic Books, 1991. 295 p.
44. Abes E. S., Jones S. R., McEwen M. K. Reconceptualizing the model of multiple dimensions of identity: the role of meaning-making capacity in the construction of multiple identities. *Journal of College Student Development*, 2007, no. 48 (1), pp. 1–22.
45. Johnson M. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago, University of Chicago Press, 1993. 302 p.
46. Nurkova V. V. *Svershennoe prodolzhaetsia: psikhologiia avtobiograficheskoi pamiati lichnosti* [The happened is continued: psychology of autobiographical memory of the person]. Moscow, URAO Publ., 2000. 320 p. (In Russian)
47. Berzonsky M. D. Identity style: Conceptualization and measurement. *Journal of Adolescent Research*, 1989, no. 5, pp. 268–282.
48. Keupp H., Ahbe T., Gmür W. *Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne*. Reinbek, Rowohlt, 2006. 240 p.
49. Eichberg H. *Body Cultures: Essays on Sport, Space and Identity*. London, Routledge, 1998, pp. 149–164.
50. Voronina T. Metafori prostranstva i ego osvoenie v diskurse avtorov fanfikshn-tekstov [Metaphors of space and its development in a discourse of authors of fanfiction texts]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philology Vestnik]. Ekaterinburg, 2012, issue 2, pp. 61–66. (Ser. «Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa» [Series “Language. System. Personality: Linguistics creativity”]. Issue 20). (In Russian)

Статья поступила в редакцию 11 января 2016 г.